

КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПУБЛИЦИСТЫ НА СТРАНИЦАХ ДНЕВНИКА А.В. БОГДАНОВИЧ*

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-01-00021

CONSERVATIVE PUBLICISTS ON THE PAGES OF A.V. BOGDANOVICH'S DIARY

A. Kotov

Annotation

The article is devoted to the images of Russian conservative publicists on the pages of the diary of A.V. Bogdanovich. This diary is one of the most important sources on the history of the capital's social life of the second half of the XIX century. The evolution of the A.V. Bogdanovich relationship to the editors of the most famous conservative newspapers (P.P. Tsitovich, V.P. Meshchersky and M.N. Katkov) is analyzed. Particular attention is paid to the role of the Katkov in the dismissal of E.V. Bogdanovich from official service, as well as A.V. Bogdanovich's perception of the heritage of M.N. Katkov.

Keywords: Katkov, Meshchersky, Tsitovich, Bogdanovich, salon, propaganda, journalism, journalism, conservatism.

Котов Александр Эдуардович
Д.ист.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет

Аннотация

В статье рассматриваются образы русских консервативных публицистов на страницах дневника А.В. Богданович – одного из важнейших источников по истории столичной общественной жизни второй половины XIX в. Анализируется эволюция отношений А.В. Богданович к редакторам наиболее известных консервативных изданий – П.П. Цитовичу, В.П. Мещерскому и М.Н. Каткову. Особое внимание уделяется роли М.Н. Каткова в увольнении Е.В. Богдановича с государственной службы, а также восприятию автором наследия М.Н. Каткова.

Ключевые слова:

Катков, Мещерский, Цитович, Богданович, салон, пропаганда, публицистика, журналистика, консерватизм.

Дневник А.В. Богданович – один из ценнейших документов своей эпохи. Осведомленность и связи генеральши, её пусть не глубокий, но живой ум, – всё это позволило набросать целый ряд динамичных "карандашных" набросков-иллюстраций столичной общественной жизни. В отличие от более серьезных и умных мемуаристов, Александра Викторова доверчиво воспроизводила различные сплетни и слухи – далеко не всегда достоверные, но так или иначе ценные для понимания контекста значимых исторических событий. Сама генеральша отмечала, что "наша жизнь нас сталкивает все с оригинальными субъектами, которые так и просятся под перо" [5, л. 52 об]. Под это перо не могли не угодить и ведущие консервативные публицисты. Собственно, к их числу принадлежал и муж генеральши – Е.В. Богданович, но его патриотические брошюры и многочисленные газетные заметки, ни по таланту, ни по воздействию на читателя не были сопоставимы с публицистикой постоянных посетителей его же салона: А.С. Суворина, В.А. Бильбасова, В.П. Мещерского и, конечно же, М.Н. Каткова и "катковцев" – Н.А. Любимова, И.Ф. Циона, С.С. Татищева и пр. Бывали в салоне Богдановичей и менее известные редакторы – В.В. Комаров и П.П. Цитович.

"Звездный час" последнего пришелся на конец 1870-х – 1880-й гг. Нашумевшие антинигилистические брошюры Цитовича [15] были хорошо известны Александре Викторовне и в марте 1880 г. она соглашалась с А.С. Сувориным в том, что "много толков и беспорядков вызвали эти брошюры, якобы написанные с разрешения правительства" [1, л. 5]. Впрочем, позднее, когда Цитович был вызван министром внутренних дел Л.С. Маковым в Петербург для издания проправительственной газеты "Берег", отношение к нему переменилось. Причиной этой перемены был не только здоровый прагматизм, но и более близкое знакомство с воззрениями самого Цитовича (бывшего, конечно же, не таким чудовищем, каким его изображала демократическая печать) и его сотрудников. Так, в июле Богданович с интересом прочла "Кружковщину" сотрудничавшего в редакции "Берега" А.А. Дьякова-Незлобина [2, л. 67 об]. В октябре того же года "Берег" оповещает столичную общественность "о пробе, сделанной Е[вгением] В[асильевичем] над печением хлеба" [2, л. 102 об]. Впрочем, скандальное закрытие "Берега" и фактическое бегство П.П. Цитовича за границу [14] никак не отразилось в дневнике и в дальнейшем незадачливый борец с нигилизмом на его страницах больше не появлялся.

Супруги Богданович хорошо понимали всё значение прессы в политической жизни страны. Не случайна сделанная в 1881 г. запись: "То-то газеты – с ними надо знать, что можно говорить и когда помолчать – это опасный народ. [Евгений] В[асильевич] к ним привык и я тоже" [3, л. 12 об]. Активно взаимодействуя с "безыдейным" "Новым временем" и относительно либеральным "Голосом", Евгений Васильевич и Александра Викторвна и по положению, и по общественно-политическим взглядам принадлежали скорее к целевой аудитории "Московских ведомостей" и "Гражданина". Благорасположение автора дневника к В.П. Мещерскому удивительным образом сочеталось с крайней неприязнью к покровителю последнего – Т.И. Филиппову. Тщательно фиксируя негативные отзывы о "епитропе Гроба Господня", А.В. Богданович сочувственно цитировала слова И.И. Кольшко о том, что Т.И. Филиппов – "злой гений" Мещерского и, наверное, подведет князя, который при всем своем "отвратительном характере" представлялся им "ужасно легковверным" и "всегда готовым каяться в ошибках" [7, л. 100]. Никогда не углубляясь в темные дебри идейно-политической полемики, Александра Викторвна высоко ценила Мещерского-редактора: "Я нахожу, что его газета бывает иногда очень интересна, что довольно прочесть "Гражданин" и знаешь все, что делается в П[етербурге]" [4, л. 12 об]. Позже она прибавляла к этому: "Вообще, я нахожу, что в Мещерском много хорошего, много души" [4, л. 50]. Вспоминая же в конце 1888 г. двухлетней давности обед "у Бобриковых с митрополитом Платоном", отметила и следующую трогательную подробность: "Первым к ним пришел Мещерский ("Гражданин"): нежно с ним встретилась, его трогают наши ласки Кольшкам, которых он очень любит. Рука у него на перевязи, он себе ее поранил омаром и не может теперь писать" [4, л. 53 об].

Со своей стороны, редактор "Гражданина" отвечал Богдановичам взаимностью. Так, к январю 1888 г. относится следующая трогательная запись о первой публикации юного Н.Е. Богдановича: "В Корпусе был сегодня государь с императрицей, пажей распустили на 3 дня, они очень довольны. Коля написал об этом посещении заметку, Евг[ений] Вас[ильевич] сказал по телефону Мещерскому, не желает ли он ее получить для "Гражданина", он отвечал: "Убедительнейше прошу". Завтра Коля ему ее отвезет – его мечта быть репортером и зарабатывать копейку" [4, л. 31]. Не оставил Мещерский Богдановичей и в трудную минуту – когда после своего скандального увольнения со службы Е.В. Богданович обратился к князю за помощью в редактировании своей покаянной записки Александру III: "Был он [у] Мещерского, кот[орый] обещал прочесть прошение и его, если окажется нужно, поправить. Ему так часто приходится их писать царю. Евг[ений] Вас[ильевич] очень был доволен его сердечностью" [5, л. 239].

Впрочем, иллюзий относительно князя Александра Викторвна не питала и тогда, отмечая очевидную ангажированность публикаций "Гражданина": "Мещерский яро отстаивает в своей газете все то, что теперь вырабатывает министерство внутренних дел" [7, л. 128]. В декабре 1891 г. в дневнике появляется упоминание и о сверхъестественных наклонностях В.П. Мещерского: "[Евгений] В[асильевич] сказал, что [А.Н.] Муравьев развратил Мещерского и Мосолова, которые затем развратили пол-Петербурга своей постыдной страстью" [10, с. 161]. Почти год спустя Богданович со злобой напишет: "В Мещерском, в его "Гражданине" видят силу; все знают, что за грязная личность этот князь, все волнуются, что нет человека открыть глаза царю, который принимает его и беседует с ним" [10, с. 178].

Схожую эволюцию претерпело отношение Александры Викторвны и к главному русскому консервативному публицисту – М.Н. Каткову. К концу 1870-х гг. между "московским громовержцем" и Е.В. Богдановичем было полное взаимопонимание. Катков регулярно посещал салон последнего во время своих приездов в Петербург [2, л. 41], делился с генералом своими впечатлениями от "выходок" других газет [1, л. 6], активно "лоббировал" идеи Богдановича о железнодорожном строительстве и печатал его корреспонденции [12], в частности, июльскую "депешу" 1880 г. из Тюмени, куда Евгений Васильевич "прибыл проверить и прислушаться к общественному мнению насчет южного направления Сибирской дороги, что там развелось пароходство в огромных размерах, что будь рельсовый путь, можно было доставлять вглубь Сибири все водяным путем, и людей, и продовольствие" [2, л. 68 об].

Несколько дней спустя Богданович сам захотел написать передовицу о необходимости строительства Сибирской железной дороги [2, л. 74]. М.Н. Катков не доверил генералу столь ответственное задание и прислал к нему своего сотрудника Н.В. Васильева, которому Евгений Васильевич и "сделал обстоятельный, очень интересный доклад о своем путешествии" в Сибирь [2, л. 74 об]. Текст Васильева, как было принято в редакции газеты, прошел серьезную правку самого Каткова. В результате 14 августа 1880 г. "Московские ведомости" "напечатали прелестную передовую о Сибирской дороге" [2, л. 78]. В статье указывалось на то, что "дорога не принадлежит к числу тех, относительно коих нужно доказывать, что их действительно следует строить и рассуждать, какому направлению должно быть отдано предпочтение". Все это было уже утверждено "высочайшею властью" и вопрос стоял лишь о сроках. "Московские ведомости" сообщали о многочисленных ходатайствах, "идуших от представителей экономических интересов важнейших пунктов, лежащих по ее утвержденному направлению" и о "тяжелом впечатлении", произведенном официальным

ответом министерства путей сообщения на подобное ходатайство тюменцев. В ответе указывалось, что строительство будущего Транссиба начнется при наличии трех условий: достаточного финансирования, приведения в порядок уже функционирующих железных дорог и "когда будет окончено сооружение тех линий, которые настоятельно требуются нуждами отечественной торговли, промышленности и земледелия" [16]. Все эти отговорки газета подвергла энергичной критике. Сразу по получении номера Александра Викторовна получила от супруга поручение оперативно переслать эту статью по телеграфу в Международное телеграфное агентство А.А. Краевского: "Получила депешу моего Е[вгения] В[асильевича] поздно, закипела работа, к 10 часам депеша была готова и послана, оказалось 500 слов. Желаю, чтобы Е[вгений] В[асильевич] остался доволен, трудно было составить, статья вышла прелестная, трудно было решить, что передать, что выпустить" [2, л. 78].

На страницах же "Московских ведомостей" и далее появлялись публикации о необходимости ускорить строительство Сибирской дороги [3, л. 81], печатались и сообщения о выступлениях Е.В. Богдановича [2, л. 83]. Впрочем, в личности Каткова Александре Викторовне нравилось далеко не все: "Был сегодня в Москве Катков, приехал накануне – были именины Долгорукова и Катков, который терпеть не может московского московского воеводу – приехал его поздравить из деревни – это я нахожу очень низко" [2, л. 67]. Не любила генеральша и С.П. Каткову: "Вечером была Каткова, какая она странная женщина, как будто она недоделана. Такое производит впечатление" [3, л. 60].

Серьезное недовольство вызывало у автора дневника и поведение Каткова после январской катастрофы 1881 г. – прежде всего, его борьба с гр. М.Т. Лорис-Меликовым. В этой ситуации генеральша безусловно встала на сторону либеральной прессы: "Газеты разбирают передовую Каткова, где он пишет, называя, что время управления Лорисом Россией одна газета год тому назад называла "диктатурой сердца", все время глумится над этим временем и кончает, что если бы продолжилось это правление, то мы были бы в полной революции. "Новое время", "Порядок" и, отчасти, "Голос" очень хорошо отвечают на эту грязную статью. Не понимаю, до чего может дописаться вражда" [3, л. 72]. Впрочем, к обиде за близившегося к падению высокопоставленного друга семьи примешивалась и личная обида: "Обедал Маркевич, говорили про Каткова, и этот боится, чтобы не сказали, что он находится под влиянием Е[вгения] В[асильевича]. Вот, право, какое самолюбие у людей" [2, л. 76].

Окончательный разрыв между двумя консерваторами произошел незадолго до смерти Каткова – в 1887 г.

Они поссорились из-за поездки Е.В. Богдановича в Париж, следствием которой стало личное распоряжение Александра III от 17 мая: "генерал-майор Богданович суется не в свои дела, всему этому есть предел, уволить же его завтра" [17, л. 3]. Причиной подобной суровости стали "дошедшие до его величества по министерству внутренних дел сведения о том, что названный генерал во время пребывания в Париже в конце 1886 или в начале 1887 г. входил в переговоры с тамошними политическими деятелями с целью практического осуществления появившегося в то время в России нового течения общественной мысли о пользе политического сближения с Францией. Это течение, вполне отвечая предначертаниям ... государя, было негодно его величеству в своих тогдашних проявлениях, так как открытая агитация, во главе которой стоял Катков, резко критиковала деятельность нашего министерства иностранных дел и подвергала ожесточенным нападкам дружественное и союзное нам в то время германское правительство" [17, л. 1–1 об].

Богдановичу приписывалось авторство брошюры "Alliance Franco-Russe, par un general russe", вызвавшей крайнее недовольство германского правительства, а также посредничество между Катковым и Шарлем Флоке – председателем французской палаты депутатов, в своё время скомпрометировавшим себя здравницей Польше в присутствии Александра II, а теперь стремившимся к дружбе с Россией. Сам Евгений Васильевич в своей записке Александру III, переданной государю Д.А. Толстым в начале 1888 г., изо всех сил доказывал, что во Францию он поехал для консультации с местными окулистами, и лишь из-за чрезмерной настойчивости старого знакомого, парижского губернатора генерала Ф.-Г. Сосье, вынужден был встретиться с президентом Ж. Гриви, чрезвычайно заинтересовавшимся книгой Богдановича о Наваринском сражении. Предложение Гриви передать через него письмо самому императору Богданович, по собственным словам, отклонил [11, л. 2–2 об]. Отдельно Евгений Васильевич счел необходимым оговорить следующее: "Если верить городским толкам, на меня взведено также обвинение, будто бы в последнюю мою поездку за границу, я действовал как агент редактора "Московских ведомостей", М.Н. Каткова, и выполнял какую-то миссию, возложенную им на меня. По долгу совести, я должен засвидетельствовать, что с Катковым у меня существуют давние и добрые отношения, что по многим вопросам о наших внутренних делах я вполне разделял воззрения "Московских ведомостей" и нередко посылал им по таким вопросам сообщения, равным образом, многие статьи "Московских ведомостей" по вопросам внешней политики, для меня менее знакомым и доступным, возбуждали мое сочувствие. Но далее этого я никогда не шел в моих сношениях с редакцией "Московских ведомостей", с содержанием статей

знакомился, как и все, уже по печатным номерам ее и явиться агентом Каткова в каком бы то ни было деле или вопросе, я не мог ни по свои летам, ни по своему общественному положению, ни по своим служебным занятиям" [11, л. 6].

Чтобы исправить ситуацию, чета Богдановичей задействовала все свои ресурсы и связи. Александра Викторовна даже пошла на примирение с презируемым ей К.П. Победоносцевым, а Евгений Васильевич отправил обер-прокурору письмо, в котором "много правды ему разоблачил о Каткове, который его сильно ругал после совещания в Ропше по поводу университетского устава и всюду кричал, что Победоносцев есть "дух злобы и ненависти". Потом, помирившись с ним, кадил ему в глаза, чтобы тот отправлял его записки государю. Это был низенький человек, в этом я теперь вполне убедилась" [4, л. 51 об]. Впечатленный этим письмом Победоносцев принял генеральшу и "тоже сказал, что Катков был человек крайний, который в ту минуту, когда сердился, говорил о всех ему неприятных в данное время людях самые невозможные вещи, площадно их ругал" [4, л. 64].

Вскоре генерал был возвращен на службу – правда, "по поводу этих служебных перемен Богданович лишился военного мундира и стал получать на 4 тысячи руб. меньше содержания, так как за время его отставки один из получавшихся им окладов по состоянию его членом управления каз[енных] ж[елезных] дорог был отдан другому лицу" [17, л. 2 об]. Е.М. Феоктистов позднее оценивал эту историю таким образом: "Вообще трудно было разобраться в этой истории; мне кажется даже, что и Катков очень хорошо знал, что Богданович ездил в Париж вовсе не в качестве только любознательного путешественника, но, во всяком случае, Богдановича давно уже следовало выгнать из службы за мошенничество, а отнюдь не за какую-то политическую пропаганду" [19, с. 255]. Советский историк Г.С. Фридланд считал, что Богданович действовал именно как представитель Каткова и "выполнял определенную политическую миссию в Париже" [20, с. 74–75].

Современный исследователь истории салона Богдановичей лишь мельком упоминает этот эпизод, ссылаясь только оправдания самого генерала [18, с. 127]. Нам же в данном случае интересна позиция самого Каткова, также находившегося в тот момент под угрозой опалы. Умиравший от рака публицист нашел в себе силы написать К.П. Победоносцеву следующее: "Почему-то думают, что Богданович уволен за приписываемую ему брошюру "Alliance Franco-Russe". Моренгейм, решительно отрицая всякое отношение Богдановича к этой брошюре, сообщил своему собеседнику [Н.В. Щербаню – А.К.] интересные о ней сведения. Я ничего не знаю о причинах отставки Богдановича, но могу, как и Моренгейм, с пол-

ною уверенностью утверждать, что не Богданович автор брошюры и что он ни в каком отношении к ней не находится. Это очевидно уже из самого содержания брошюры. В ней, между прочим, превозносятся лица, с которыми Богданович находился в открытой вражде. Богданович получил от издателя от издателя этой брошюры форменное удостоверение, в его к ней неприкосновенности. Богданович прислал мне это удостоверение, в котором я не нуждаюсь, но которое он очень желал довести до Вашего сведения. Прилагаю его к сему письму. Еще два слова о Богдановиче. Я протестую против толков о какой-то моей солидарности и интимности с ним, но не потому, чтобы считал его в политическом отношении неблагонамеренным. Но я и не имею с ним ничего общего ни в умственном, ни в нравственном складе. Мы люди совершенно разных миров. И сотрудником моим он никогда не был, и только из снисхождения к нему печатались его телеграммы о нем самом. Он изо всего делал себе рекламу и этим более всего вредил себе в мнении серьезных людей. Но я считаю его совершенно не способным к чему-либо, не согласному с долгом верноподданного. Богданович повредил себе своими рекламами. Ему придали серьезное политическое значение, какого он ни в коем случае не имел и иметь не может" [13, с. 276–277].

К сожалению, не располагая дневником А.В. Богданович за 1887 г., мы не можем судить, только ли это стало причиной разрыва. Но на страницах дневника за следующие, 1888-й год, Каткову припомнили все – от умения произносить речи до сомнительных богословских высказываний. Так, в разговоре с настоятелем Казанского собора священником Лебедевым Александра Викторвна "рассказала, что Катков, прочтя эту книгу, нашел, что в ней много нигилизма" [7, л. 10]. Это свидетельство, – по всей вероятности, достоверное – представляется весьма ценным для понимания отношений Каткова с христианством. Дальнейшие упоминания о нем в дневнике пропитаны обидой и враждебностью.

Так, недобрым словом помянула покойного редактора "Московских ведомостей" Александра Викторвна в разговоре с вдовой Б.М. Маркевича. Генеральшу поразила "сильная привязанность" собеседницы к Каткову, "несмотря на его низкое поведение относительно ее мужа во время его грустной истории": "Маркевич тоже, когда ему простил и помирился с ним Катков, подобострастно на него смотрел и бросился к нему с благоговением. Умел же этот человек внушать даже оскорбленным им людям такую собачью преданность. Она говорит, чтобы мы не верили, если нам говорят, что Катков в последнее время враждебно относился к Евг[ению] Вас[ильевичу], что это неправда. Видимо ее желание, чтобы Евг[ений] Вас[ильевич] не разоблачал этого негодяя. Я уверена, что это и без него будет. Я согласна с ней, что недостой-

но мстить врагам, особенно умершим. Сегодня 1/2 года, что он умер. Умри он раньше, всего этого бы не было, но знать это – воля Божия" [4, л. 20]. Зато оскорбленные чувства Богданович нашли понимание у М.А. Георгиевской: "она говорит, что давно поняла этого эгоиста, что ей не раз говорили, что ему платят жида, чтобы он их не бранил в своей газете, но она об этом молчала, зная, что это будет неприятно мужу [соратнику Каткова А.И. Георгиевскому – А.К.], если она будет говорить. Рассказала очень пикантный анекдот. Однажды ей Каткова сказала, что у мужа ее было одно неприятное дело, что он с одним человеком не хотел сам говорить, а просил [П.М.] Леонтьева выдти к нему для переговоров в соседнюю комнату, а сам Катков сел против замочной скважины, чтобы смотреть и подслушивать их разговор. Георгиевская посоветовала Катковой никому не повторять этот рассказ, она же обиделась на этот дружеский совет" [4, л. 32].

Посвященные Каткову публикации также вызывали у Александры Викторовны сильный эмоциональный отклик. Так, читая "Гражданин", она отметила: "Меня неприятно поразила статья в "Записной книжке", где говорится о людях и деятелях умерших, как Аксаков, Катков, Герцен и Бакунин, что будто они жили, деливши мысли друг с другом, что бывали размолвки, но они проходили, а живая связь всегда оставалась между ними. Кто знал, как мы, Каткова, в этом может вполне усомниться. Катков не терпел противоречий и никого никогда не любил, кроме себя, и никого никогда не признавал. Он делил людей на ему нужных и ненужных" [6, л. 10 об.]. Заинтересовала А.В. Богданович и вышедшая в том же году книга С. Неведенского (С.Г. Щегловитова) "Катков и его время". Впрочем, судила она об издании скорее по рецензии из либеральных "Новостей": "Модестов зло разбирает книгу, написанную якобы почитателем Каткова, который приводит в ней письма Каткова к Краевскому, где Катков называет его своим благодетелем и откровенно сознается, что потерял веру в будущее и его единственная мечта устроиться у какого-нибудь туза или тузика, по особым поручениям. Затем говорится, как Катков менял свои убеждения, не терпел противоречий, был оппортунистом в полном смысле этого слова. Когда я читала вслух эту статью Е[вгению] В[асильевичу], я чувствовала что у меня еще не улеглось чувство неприязни к этому человеку. Он стал, как живой, передо мной. Как часто я его видела искательным с теми, кто был ему нужен, а когда переставал быть ему нужен, тот же самый человек видел в нем равнодушного холодного слушателя, который изредка его достаивал его ответа на горячую речь. Умел Катков быть любезным, когда этого хотел, особенно когда это ему это было нужно. Он не прощал Е[вгению] В[асильевичу], что он был в хороших отношениях с "Голосом". Помню, когда однажды Лорис во дни своего величия обедал у нас с Краевским, Катков, когда узнал об этом, очень разгорячился и стал упрекать

Е[вгения] В[асильевичу], что он эту дрянь принимает, но Е[вгений] В[асильевич] тогда его оборвал и сказал, что он не скрывал своих отношений к "Голосу" так же, как свои отношения к нему. Это была бурная сцена, но Катков, чувствуя, что Е[вгений] В[асильевич] ему нужен, и видя, что он не добьется его разрыва с Краевским, укротил свой гнев. По-прежнему, несмотря на угрозу, что не будет у нас бывать, приходил к нам ежедневно" [6, л. 21–21 об.].

Возмущали Александру Викторовну и апологетические публикации о Каткове "Московских ведомостей". Так, передовица, посвященная годовщине его смерти, стала поводом для следующих размышлений и воспоминаний: "Читающий усматривает в этой статье, что было бы все умнее сделано, будь он жив, я думаю, что будь он жив, многое было бы им запутано, испорчено, а может быть, мы бы теперь уже воевали, или были бы накануне войны, если бы слушали его бредни. Они в статье говорят, что Франция показала огромное сочувствие во время смерти Каткова. Кому он обязан, что было это сочувствие – моему Е[вгений] В[асильевич], – который ему передал свои впечатления, приехавши из-за границы. Катков в последнее время, как выяснилось, больше занимался коммерческими делами, проводил свои делишки, но все это умел скрывать под видом горячего патриота. Е[вгений] В[асильевич] сумел так вызвать фактами сочувствие Каткова к Франции, что он написал ряд статей, которые и были поводом к венкам и телеграммам оттуда. – Катков видел, что общественное мнение сочувствует Франции. Шуваловым в последнее время был не доволен, знал, что государь за французов, всего этого было достаточно, чтобы стоять за эту нацию, но убеждения у Каткова не было. Гирса он ненавидел, Гирс был за дружбу с Германией. Помню, как однажды у нас Каульбарс сказал Каткову, что русская армия в худшем состоянии, чем австрийская, что французская тоже хуже австрийской, что у нас обозу нет и проч. Разговор этот продолжался более часа и после ухода Каульбарса, Катков начал ходить по кабинету и говорить, что из этого видно, что Гирс ведет правильно дело, что надо кланяться немцам и проч., Е[вгений] В[асильевич] тогда ему сказал, что удивляется, что он может так скоро приходиться в уныние. Обещал ему получить все подробные сведения о состоянии обеих армий и тут же в этот день вечером написал [...] к Сосье, который и прислал желаемые сведения и оказалось, что французы не уступают австрийцам. В нашей армии, правда, обоза не оказалось со слов Велички, но что сумеем постоять за себя, в этом он ручался. Е[вгений] В[асильевич] хотел устроить у нас свидание Каткова с Величкой, но последний уклонился, а все сведения охотно дал Е[вгений] В[асильевич]. Этот факт доказывал стойкость убеждений Е[вгения] В[асильевича] и как уже плохо мыслил Катков" [6, л. 36 об. – 37].

Бестактным показалось Александре Викторовне и сделанное священником катковского лицея сравнение "московского громовержца" с пророком Илией: "Илия держал своим словом Израильский народ, руководил им, а Катков подобно ему держал и руководил русским" [6, л. 37 об.]. Зато одобрила генеральша ответ В.П. Мещерского на некролог "Русского дела", написанный, очевидно, мечтавшим о роли нового Каткова С.Ф. Шараповым: "Там говорится, что будто Каткову печать обязана свободным словом. Мещерский это опровергает и говорит, что Катков сумел только лучше других пользоваться этой свободой. Тоже говорит, что Катков всегда стоял за русскую промышленность. Мещерский опровергает и это также и говорит, что последнее время он стоял за жидов. Можно сказать, еще нет года и 6 недель, а престиж Каткова сильно, сильно упал. Что значит эгоизм? Он его погубил, друзей он не оставил, последних перед смертью возмутил своими выходками. Но Бог с ним. Было время, что я его от всей души любила и недостатков его старалась не замечать" [6, л. 46].

Любопытны суждения автора дневника о качестве "Московских ведомостей" после смерти знаменитого редактора. В июне 1888 г. Александра Викторовна отметила: "Е[вгений] В[асильевич] доволен статьями "Московских ведомостей", он говорит, что газета не хуже, чем была во времена Каткова, нашел, что статья о сенате написана очень ловко. Вообще он очень доволен тоном и содержанием этой газеты" [6, л. 16]. Год спустя отношение к газете переменилось, и ее качество стало новым поводом помянуть Каткова: "Иногда просматриваю "Московские ведомости", но так они пусты и бесцветны, полны только пустой болтовней. Даже вид свой они переменили. В каждом номере есть два фельетона, чего при Каткове никогда не было. Правда, эта газета всегда была скучна, задорные были только иногда статьи Каткова, направленные против кого-либо из министров, который не сумел, а может, не захотел дать место протее Каткова, или вовремя ему покарать" [8, л. 83об.].

Находилось место на страницах дневника и "птенцам гнезда Каткова". Часто бывал у Богдановичей и переехавший в Петербург alter ego Каткова, Н.А. Любимов – "тонкий, хитрый человек, у него всегда останавливался Катков, когда у сыновей не мог остановиться. Осторожен он до крайности, лишнего слова не скажет. Говорят, что статьи против "Гражданина" в "Моск[овских] вед[омостях]" писаны Любимовым, он теперь оказывается главным советчиком и Петровского" [4, л. 26 об.]. В 1887–1888 гг. Богдановичи сближаются с самым скандальным из катковцев, И.Ф. Цином – также во многом замешанным в скандал вокруг неофициальных русско-французских контактов. Но, поддерживая и ободряя Е.В. Богдановича, Циюн не осуждал и Каткова: "Циюн рассказывал, что ему передали, будто Энгельгард, зять Каткова,

говорил, что государю было показано письмо собственноручное Каткова к Флоке и что государь, прочитав его, сказал, что теперь видит, что Катков был изменник. Циюн на это рассказал, что есть один человек, который служил у парижского Катакази, фамилия его Sevigny, кажется так, который умеет подделывать свой почерк, что он самого Sevigny так прижал к стене, что тот во всем сознался и что все доказательства у него есть. Что, верно, это опять заговорили о прошедшей истории, а если это письмо вновь написано задним числом и поднесено государю, что это несомненно из того же источника. Что этот господин служил несколько лет тому назад в редакции Каткова, видел, даже имеет его письма и очень талантливо их подделывает. Что отец этого Sevigny тоже этим был известен. Хорошее ремесло, нечего сказать!" [4, л. 42 об.]. В конце 1889 г. генеральшу напугало намерение Циона описать на страницах Nouvelle Revue "всю историю последнюю с Катковым, с Е[вгением] В[асильевичем]": "Он возмущен, что теперь пожинают их лавры Моренгейм и Гирс, которые себе приписывают сближение с Францией. Думаю, что еще не время все разоблачать. Может опять выйти история, мы уже так много пострадали" [9, л. 23]. Свое намерение Циюн исполнил в 1895 г., уже в эмиграции выпустив публицистическую брошюру, посвященную подготовке франко-русского союза.

Не могла Александра Викторовна не уделить внимания и катковскому семейству. Так, 19 января 1888 г. она приводит рассказ М.А. Георгиевской о том, что "Шаховская, дочь Каткова, сама выбросилась из окна вагона, что сумасшедший ее муж так напился пьян и впал [в] такое безумие, что она кинулась из окна. Говорят, что она так изуро[до]вана, что ее невозможно узнать – это говорила ее сестра Энгельгардт. Бедная женщина, что она должна была выстрадать, чтобы решиться на этот роковой шаг" [4, л. 18 об.]. Другая история была услышана автором дневника от И.И. Кольшко: "сын Каткова Андрей женился на княжне Щербатовой, богатой девушке, которую соблазнил конюх, она уехала в Швейцарию, и отец, узнав об этом горе, сошел с ума и умер, она же теперь все воспитывала своего ребенка, кот[орого] не бросила. Многие до сих пор ее осуждают, но, быть может, она давно раскаялась и будет хорошей женой, но не понимаю, как выйти за Каткова, все они так глупы" [4, л. 66].

Наконец, прекрасным источником сплетен и поводом для оценочных суждений послужила история женитьбы Г.Д. Толстого на О.М. Катковой: "Сын Толстого, которого Каткова хотела подцепить для своей дочери Ольги, не дался ей: он в Рязани написал письмо Катковой, где пишет, что ввиду того, что был холодно принят ими, отказывается на ней жениться, письмо на 4-х страницах, читал он его всему городу и затем отдал свахе Катковой Болдыреву, чтобы передал по назначению. Вся Рязань об

этом говорит. Любимовы рассказывали, что знаменитый Глебушка Толстой все старался помирить отца с Катковым и Лорисом, на дочери Лориса он тоже хотел жениться" [4, л. 66]. Тем не менее, брак состоялся: "Толстой собирается уехать в Москву 1 апреля. На днях к нему приехал его сын Глебушка, говорит, что он женится на Ольге Катковой, что Толстые едут в Москву, чтобы увидеть невесту. Значит, Болдырев сумел не послать письма Катковой и уговорить Глебушку жениться. Хотя он и идиот, но все-таки богат и un beau pot, да и она не умна" [5, л. 86]. Доставалось от Александры Викторовны и С.П. Катковой: "Был [Ф.Н.] Берг, издатель "Русского вестника", говорил, как ему было сложно вести переговоры с М-те Катков, этой взбалмошной бабой. Сегодня была свадьба ее дочери с сыном графа Толстого – Глебушкой. Толстой уехал в Москву в прошлую субботу. Вот, я думаю,

пришел в ужас, увидев эту женщину, а может быть, при нем она сдерживалась. Теперь, я думаю, Катковы еще более зачванятся, они родня Министру Внутренних Дел!" [5, л. 71 об. – 72].

Разумеется, сведения и суждения Александры Викторовны крайне субъективны. Отражая эмоциональный фон и повседневный контекст, в котором формировалась идеология пореформенного российского консерватизма, они мало говорят нам о качестве консервативной публицистики или её теоретическом содержании. Тем не менее, этот дневник, содержащий характеристики русских консерваторов и освещающий отношения между ними, служит прекрасным средством, предохраняющим современных исследователей от их идеализации или "демонизации".

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович А.В. Дневник. 1880 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 234.
2. Богданович А.В. Дневник. 1880 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 235.
3. Богданович А.В. Дневник. Январь–июнь 1881 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 237.
4. Богданович А.В. Дневник. Январь–март 1888 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 238.
5. Богданович А.В. Дневник Март–июнь 1888 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 239.
6. Богданович А.В. Дневник. Июнь–октябрь 1888 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 240.
7. Богданович А.В. Дневник. Октябрь–декабрь 1888 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 241.
8. Богданович А.В. Дневник. Март–июль 1888 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 243.
9. Богданович А.В. Дневник. Июль–декабрь 1889 г. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 244.
10. Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М.: Новости, 1990. 608 с.
11. Богданович Е.В. – Александру III. 1887. // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 2.
12. Горчаков Е.А. Евгений Васильевич Богданович в дискуссии о направлении Сибирской железной дороги // История в подробностях. 2015. № 8 (62). С. 14–17.
13. К.П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. II. М.: Харвест, 2003. 672 с.
14. Котов А.Э. Газета "Берег" в 1880 году: исторический опыт либерально-консервативного синтеза // Вестник САФУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 32–40.
15. Котов А.Э. П.П. Цитович против "живой воды" революционной демократии // Вестник Тверского государственного университета. 2015. № 4. С. 126–135.
16. Московские ведомости. 1880. 14 августа.
17. Плеве В.К. – Сипягину Д.С. 1900–1902 // РГИА. Ф. 1620. Оп. 1. Д. 3.
18. Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга – Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 311 с.
19. Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М.: Новости, 1991. 464 с.
20. Фридлянд Ц. Европейская дипломатия и буланжизм // Историк–марксист. 1936. № 1 (053). С. 56–90.

© А.Э. Котов, (nilfgaard@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

"Ни о чем не думает лишь тот,
кто ничего не читает."
Д.Дидро

Реклама